

официальной народностью николаевской эпохи; другіе, напротивъ, видятъ у него яркія и возвышенныя выраженія того общественнаго настроенія, которое искало выхода изъ тогдашняго положенія вещей, стремилось къ преобразованіямъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ много позднѣе шла нѣкоторое время русская жизнь въ послѣдующее царствованіе. Словомъ, въ Пушкинѣ искали, и находили, весьма несходные элементы общественной мысли, такъ что обыкновенный читатель можетъ впасть въ сильное недоумѣніе, если прочтетъ и сопоставитъ эти разногласящія, иногда прямо противорѣчащія, оцѣнки.

Когда въ началѣ года наша литература преисполнена была воспоминаніями о Пушкинѣ и опытами опредѣленія его личности и поэзіи, особенное вниманіе и недоумѣніе произвела оцѣнка, высказанная въ „Бесѣдѣ“ архіепископа херсонскаго и одесскаго, Никанора, которая изложена была въ сокращеніи въ церкви новороссійскаго университета 1-го февраля 1887 года, а потомъ явилась исполнѣ въ печати. Поминовеніе раба божія Александра пришлось въ недѣлю блуднаго сына, и авторъ бесѣды нашель: „и прекрасно, что въ день блуднаго сына. Это наводитъ на знаменательнѣйшія сближенія“. Авторъ бесѣды проводитъ цѣлую картину личной жизни и поэтической дѣятельности Пушкина, и она возбуждаетъ въ немъ только горькое прискорбіе. Правда, сурово осуждая Пушкина съ точки зрѣнія нравственно-церковной, авторъ вспоминаетъ, что и въ жизни многихъ святыхъ мужей встрѣчались грѣховныя уклоненія, которыми не наносится оскорбленія ихъ святой памяти: онъ называетъ апостоловъ Петра и Павла, царей и писателей Давида и Соломона, — „по этой почетной аналогіи не нанесемъ оскорбленія памяти и поминаемаго великаго поэта, если коснемся его заблужденій“; но это не уменьшаетъ суровости осужденія. Пересматривая поэтическія произведенія Пушкина, авторъ находитъ въ нихъ постоянное и упорное служеніе всякимъ грѣховнымъ уклоненіямъ человѣческой природы, начиная съ пѣсенъ „въ честь извѣстной богини Киприды“, и такъ какъ „грѣхи въ одиночку по міру не ходятъ“, то „поклоненіе Кипридѣ не могло не вести за собой поклоненія и Вакху и всѣмъ языческимъ божествамъ“, причемъ, кромѣ того, Пушкинъ о своихъ собственныхъ дѣяніяхъ на этомъ служеніи считалъ нужнымъ „разблаговѣстить“ на весь свѣтъ. „Это не игра словъ, — замѣчаетъ проповѣдникъ. — Въ самомъ дѣлѣ, у нашего поэта это было настоящее душевное идолопоклонство, дѣйстви-